

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

УДК 364.044.4

Doi: 10.26456/vtspyped/2022.3.262

ОФОРМЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСОВ ПОСТМОДЕРНИЗМА: ОЦЕНКА ДИНАМИКИ С 1991-ГО ПО 2000 ГГ.

М.В. Фирсов¹, И.Д. Лельчицкий², А.А. Черникова³, С.А. Ивлева¹

¹ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова», г. Москва

²ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

³ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук», г. Москва

Изучается проблема становления профессиональной социальной работы в России с начала 1990-х по 2000 гг. Проанализированы изменения, связанные с процессами десоветизации российского общества; определён доминирующий объект помощи социальных служб – индивид, категории граждан для предоставления специфических услуг и институциональной поддержки: беженцы, безнадзорные, безработные, дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, дети оставшиеся, без попечения родителей. Показана роль государства и действующего законодательства в деятельности социальных институтов в регламентации ситуаций в делах помощи и поддержки, локализации трудных жизненных ситуаций через профессиональное сообщество социальных работников.

Ключевые слова: *социальная работа, платформа 1.0, постмодернизм, постмодернизация, клинический вектор.*

Новый этап становления профессиональной социальной работы начинается с 90-х годов, и он был связан с процессами десоветизации российского общества. Процесс десоветизации осуществлялся в логике постмодернизма, в контексте процессов глобализации, слома «традиционного образа жизни, хаотизации финансовых рынков и общественных благ» [29, р. 9].

Американский социолог З. Бауман, определяя сущность постмодернизма в жизнедеятельности общества, с нашей точки зрения, достаточно точно отразил то его социально-психологическое состояние, характерное не только для западной цивилизации, но и для российского общества социальных трансформаций 90-х годов: «...период постмодернизма осуществляется как жизнь во время кризиса. Постмодернистское мышление осознает, что в жизни человека и общества есть проблемы, у которых нет хороших решений; что есть только извилистые дороги, которые не могут быть выпрямлены... что есть сомнения, которые не могут быть ликвидированы законодательным

путем; что существуют моральные страдания, которые не могут быть успокоены никакими доводами разума...» [26].

Осмысляя социальные и политические реформы конца XX века в России, можно отметить, что стратегии в дискурсах постмодернизма реализовывались в различных сферах, и характерными чертами этих преобразований являлись многочисленные проекты, которые определяли сущность транзитивного состояния как общественных отношений, так и социальных институтов [22].

Неопределенность экономическая, политическая, идеологическая вносила свои коррективы в управленческую политику правящих элит на всех уровнях, во всех сегментах хозяйства, в том числе и в складывающейся системе социальной защиты.

Социальная защита в 90-х годах реализовывалась как проект новых правящих элит в дискурсах постмодернизма, в этом контексте социальная работа развивалась одновременно по нескольким направлениям:

- профессиональная деятельность в рамках нового государственного проекта «социальной защиты»;
- область познания в парадигме «проектов постмарксистского познания» в нарративах гуманитарных наук;
- направление образования как проект «социальное образование» в контексте болонских процессов.

В этом сложнейшем тигле различных общественных, познавательных и профессиональных проектов формировался «новый образ» отечественной парадигмы социальной работы.

Система социальной защиты в Российской Федерации в новых социально-политических условиях формировалась в ситуации либерального реформирования, и прямых дорог выхода из «социалистического рая», как, впрочем, и входа в него в прошлом, на данном историческом этапе просто не было.

В данный период правящие элиты выбрали курс на модернизацию экономики, переведя её на «рыночные рельсы», что было связано с курсом приватизации государственных учреждений и изменения форм собственности.

Модернизация экономики в логике постмодернизма расширяла стратегии накопления капитала, и «архитекторы модернизации» не ограничивались только приватизацией производственной сферы, полезных ископаемых, модернизация охватывала и социальную сферу, такие ее сегменты, как образование и здравоохранение.

Социальная защита в эти процессы будет включена позднее, и не потому, что процессы капитализации в России реализовывались на «гуманистических принципах демократического капитализма», а потому, что процесс маргинализации охватил все российское общество,

как трудовое население, так и находящихся на попечении государства пенсионеров, инвалидов и детей на иждивении, которые были десятилетиями под его постоянным патронажем.

Этот аспект экономических реформ определил специфику моделей социального обеспечения и практику социальной работы в Российской Федерации, для которой были характерны многообразие реализации практик помощи; широта практических границ применения технологий поддержки; понимание «многомерности реалий», с которыми приходилось взаимодействовать профессионалам; «относительность истин».

С точки зрения британской исследовательницы Ф. Уильямс, это и определяло сущность постмодернистских подходов [31]. «Многомерность реалий», многообразие социальной проблематики, с которой столкнулись профессионалы, потребовало открытия различных типов и видов институтов социальной защиты. И если на предшествующем этапе социальная работа оформлялась как деятельность по социальному обслуживанию на дому пенсионеров и инвалидов, в избранных территориях, то в 90-е годы существенно меняется не только вектор практики, но и масштабы охвата профессиональной деятельностью регионов Российской Федерации.

Как показывают исследования во всех 86 субъектах Российской Федерации с 1994-го по 2006 годы, происходило открытие учреждений социальной защиты для различных категорий граждан. В сферу деятельности социальной работы были включены семьи, безнадзорные дети, безработные, мигранты и другие многочисленные категории нуждающихся, определяемые действующим законодательством. Массовый подход в деле помощи нуждающимся привел к тому, что количество учреждений социальной защиты за первое десятилетие становление системы социального обслуживания увеличилось в 22,5 раза [4].

Как показывают исследования, только по такому направлению, как социальная работа с семьей и детьми, количество учреждений с 1994-го по 2001 год возросло более чем в 20 раз [3].

Таблица 1
Развитие сферы социального обслуживания семьи и детей (1994–2000 гг.)

Вид учреждения	Годы						
	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Центр социальной помощи семье и детям	36	92	169	–	259	287	334
Центр психолого-педагогической помощи населению	3	88	100	123	51	36	40

Центр экстренной психологической помощи по телефону	5	78	80	93	48	25	20
Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних	7	61	116	159	206	231	276
Социальный приют для детей и подростков	22	173	311	390	388	410	412
Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей	1	25	23	24	20	14	13
Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями	33	94	138	151	152	174	182
Отделение по работе с семьей и детьми в центре социального обслуживания населения	–	228	310	444	452	456	510
Комплексный центр социального обслуживания населения	–	–	–	264	267	291	240
Кризисный центр для мужчин	–	–	–	–	1	1	1
Кризисный центр для женщин	–	–	–	6	6	6	6
Другие учреждения социального обслуживания семьи и детей	–	158	174	203	230	203	202
Всего:	107	997	1421	2048	2079	2134	2240

Решения, принятые в это период, возможно, были оптимальными в ситуации «здесь и сейчас», но они были не самыми эффективными в ситуации, которая неизбежно наступает с течением времени.

В рассматриваемый период конструкция солидарного общества в парадигме постмодернизма в западных социальных государствах имела сложные прагматичные и более «экономоемкие» модели взаимопомощи, чем в Российской Федерации.

В основе помогающих стратегий в западных странах реализовывался поиск моделей «ослабления нагрузки на бюджет государственного сектора» за счет перераспределения этой нагрузки на партнеров и акторов взаимопомощи из других секторов, в том числе и из негосударственного сектора.

В процессе развития социальной работы в мировом сообществе к этому времени уже были реализованы во многих государствах такие стратегии, как деинституционализация учреждений социального

обеспечения, организация моделей самопомощи, передача государственных учреждений социальной защиты на аутсорсинг, развитие сектора некоммерческих услуг, благотворительных организаций, активизация гражданского общества через практику волонтерства, развитие профессиональной поддержки нуждающихся через институты церквей, привлечение средств и профессионалов из иностранных ассоциаций на работу с отдельными категориями клиентов, в том числе и «сохранение традиционной модели семьи с услугами по уходу» [28, р. 678].

Россия шла своим «традиционным путем» создания моделей солидарного общества за счет увеличения услуг и строительства все новых социальных учреждений через государственный сектор, что было характерно для предшествующих правящих элит, десятилетиями реализовывающих решения партийных съездов [1, 5].

Проект «профессиональная социальная работа» имел и другую особенность помимо институционализации учреждений социальной защиты.

Для реализуемых моделей общественной солидарности в дискурсах идеологом постмодернизма в данный период был характерен радикальный индивидуализм.

И если на этапе модернизма в начале XX века доминировали коллективистские подходы в идентификации нуждающихся, как это было связано с пролетариатом в западных странах или как это мы наблюдали в первые годы становления советской власти в России, где не только пролетариат, но и беднейшее крестьянство, инвалиды гражданской и империалистической войны имели преференции помощи со стороны власти [23], то в данном историческом периоде предпочтения в помощи были определены на локальном и индивидуальном уровне.

Отличие проводимых социальных реформ 90-х годов от социальных реформ 20-х годов было и в том, что в конце XX века социальное обеспечение являлось не столько правом на получение помощи «угнетенными социальными общностями и группами», актом реализации исторической справедливости, сколько компенсацией отдельным индивидам и локальным общностям за отсутствие «хороших решений» в реформировании общества.

В этой связи политика социального обеспечения была связана с явлениями крайнего релятивизма, что, собственно, и составляло направленность социальной работы в контексте социального обеспечения в дискурсах постмодернизма, поэтому коллективистские коммунистические модели «всеобщего счастья» заменялись технологиями терапии индивидуального случая.

Необходимо отметить, что доминирующим объектом помощи в этот период становится не класс, общество, социальная группа, а

индивид как клиент социальных служб – «гражданин, находящийся в трудной жизненной ситуации, которому в связи с этим предоставляются социальные услуги» [16] путем «поддержки, консультирования, реабилитации, социального патронажа». Такой подход рассматривался как «достижение социальной защиты на рубеже веков» [4].

В этот период по закону клиентами были определены отдельные индивиды, которым было гарантировано предоставление специфических услуг и институциональной поддержки. Такими получателями социальных услуг являлись беженцы [18], безнадзорные [19], безработные [21], дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации [15], дети, оставшиеся без попечения родителей [17], и т.д.

К началу нового века список нуждающихся составлял более 200 категорий, были охвачены две трети населения страны в качестве получателей льгот и услуг системы социальной защиты [4].

«Локализация» и «фрагментация» – характерные явления постмодернистской системы социального обеспечения [27], охватывающие не только отдельных клиентов в их своеобразии потребностей, но и локальные социокультурные ареалы, а также профессиональные, социальные и политические группы, к которым «применялись технологии социальной реабилитации и терапии».

«Локализация» в реализации программ социального обеспечения на уровне жизнедеятельности социокультурных ареалов осуществлялась в том, что в 90-х годах политика социального обеспечения была направлена либо на стабилизацию экономического и социального положения территории (например, в Коми ССР [7] или Республике Дагестан [9]), либо на реабилитацию репрессированных народов (как это было в случае с населением Кабардино-Балкарской Республики [10]), либо на возвращение и расселение беженцев «в места их компактного проживания», что было связано с народами, депортированными с территории Северной Осетии и Ингушской Республики [13].

Как отдельная «социально-проблемная группа» правящими элитами рассматривались военнослужащие, к которым применялись специальные технологии социальной защиты, льготы, компенсации [8, 11] и т.д.

Специальную группу военнослужащих представляли те, что выводились из мест дислокации «бывших союзных республик СССР и других государств»: им выплачивались специальные компенсации и пособия [12].

Особую группу клиентов социальных служб представляли «жертвы политических репрессий», подвергшиеся лишению свободы на территории Российской Федерации с 7 ноября 1917 года. Органы социальной защиты должны были осуществлять их патронаж, выплату компенсаций, реализовывать предоставление льгот [24].

Проведение социальной политики в дискурсах постмодернизма, решение проблем клиентов на основе индивидуальной, а не коллективной, идентичности позволяло правящим элитам рассматривать существующие проблемы не с позиций «концептов помощи бедным», а в «концептах помощи малоимущим», не с позиций «социального неравенства», а с позиций «индивидуальной необеспеченности», тем самым идеология прав человека подменялись идеологиями противодействия маргинализации общества. Исходя из этих принципов, реализовывались стратегии помощи и поддержки.

Однако несмотря на то что в данный период международные и европейские банки активно проводят политику кредитования «модернизации российского общества», а не столько российской экономики, у правящих элит постепенно складываются определенные представления о необходимости снижения темпов роста социальных учреждений и регулирования пособий для социально-уязвимых групп – как по численности, так и по их целевому назначению, чем, собственно, и было вызвано в дальнейшем введение закона о монетизации льгот [20].

К данному решению подталкивал и ряд социально-экономических и социально-политических факторов.

С одной стороны, рост социальных учреждений – почти в 20-кратном увеличении – решал проблемы нуждающегося населения в ситуации «здесь и сейчас», но со временем все эти учреждения должны были потребовать огромных инвестиций по поддержанию их в рабочем состоянии, что неизбежно приводило к кризисной ситуации в социальном обеспечении, с чем столкнулись власти в 80-х годах.

С другой стороны, использование только государственного финансирования в развитии социальной сферы в ситуации тотальной приватизации, забастовок трудящихся, перемещения войск из Западной Европы, ведение войн на Северном Кавказе неизбежно должны были привести к сокращению социальных расходов и сворачиванию «интенсивных дифференцированных социальных программ» и поисков других «проектов финансирования социальной сферы».

К тому же реализация проекта капитализма (некоторые исследователи образно назвали его «моделью капитализма для своих») приводила не к инвестированию социальных проектов, а к «утечке» капиталов из страны. По отдельным оценкам, сумма их могла составлять 550 млрд долларов. Это были «доходы от взяток, «экономии на налогах», что также не способствовало дальнейшему развитию программ учреждений социальной сферы ни в их настоящем, ни в ближайшем обозримом будущем [2].

Все эти и другие факторы оформления системы социальной защиты в Российской Федерации определили векторы ее развития на ближайшую перспективу XXI века, где главными среди них должны

были стать, по мнению экспертов, «внедрение наиболее эффективных и экономических форм и методов предоставления социальных услуг» [6].

Подводя предварительные итоги проекта «профессиональная социальная работа», можно отметить, что он имел важное историческое значение для процессов переходного периода российского общества в обозначенный период:

– во-первых, социальная работа способствовала, среди прочих мер, достижению «социального согласия в обществе» [6], выступая в качестве «амортизатора» негативных тенденций реформирования российского социума и экономики,

– во-вторых, на основе помогающих технологий социальные работники смогли впервые в истории России «полицейские функции» поддержания порядка и контроля в обществе осуществлять не методами «ссылки и заключения» [25], а методами «социальной терапии»,

– в-третьих, социальная работа осуществлялась в ситуации изменения общественной стратификации, когда практически всё население страны «было изгнано» из социалистического общества, и в этих условиях профессионалы смогли сформировать позитивные отношения между социальными группами и властью, противодействовать маргинализации и атомизации общества.

Социальные институты в данный период помощь и поддержку осуществляли на основе действующего законодательства, определявшего социальные группы в соответствии с государственными приоритетами. При этом государство регламентировало ситуации, в которые оно включалось в деле помощи и поддержки, локализовало трудные жизненные ситуации через профессиональное сообщество социальных работников.

Индивидуальное обслуживание, индивидуальный сервис санкционировал, как и в институтах здравоохранения, не только приемлемые с точки зрения общественных норм социально-девиантные формы поведения, но и любые индивидуальные формы протеста и «гражданского неповиновения».

Через инструменты социального обеспечения, толерантного отношения, эмпатического слушания, медиативных технологий, технологий решения проблем и другие личностно-ориентированные инструменты помощи социальные работники позволяли клиентам реализовывать свое индивидуальное агрессивное поведение в ситуациях, которые были обусловлены как средовыми, так и личностно-групповыми факторами.

Главная цель действий профессионалов в этом контексте – коррекция психосоциоэмоционального состояния человека и недопущение перерастания индивидуальных форм протеста в массовые формы дезорганизации на основе коллективных форм солидарности.

Социальные институты давали возможность человеку в транзитивном обществе выступать в различных ролях по отношению к социуму, примерять на себя всевозможные модели поведения в новых условиях, в том числе и асоциального поведения, но под контролем и в рамках санкционированных властью учреждений.

Можно отметить, что функции «надзора-исправления» реализовывались не только институтами коррекции, как это наблюдалось в прежние эпохи, но и институтами социализации, сопровождения и поддержки, что было осуществлено в условиях модернизации общества.

На микроуровне работы со случаем концепты «благополучия» согласовывались как с императивами рынка, индивидуальными обязательствами, так и с индивидуальными концептами моральной саморегуляции [30], что, собственно, и определяло режимы индивидуального поведения человека.

Однако и в том и другом случае воплощались в жизнь технологии терапии социального поведения. Организованная среда на всех уровнях в рамках дискурсов «благополучие» и «благостояние», управляемая профессионалами, в данном случае социальными работниками, на новом уровне могла осуществлять социальный контроль в формах «клиника и терапия», тот контроль, который ускользает от «восприятия как индивидами, так и коллективом» [25].

Таким образом, на микроуровне организованная социальная среда являлась терапией общественных недугов, средой социального контроля, средой, формирующей поведение масс на сознательном и бессознательном уровне, необходимой правящим элитам. Без жестких деклараций и законодательных регламентаций карательных институтов, на основе «soft skills», мягких навыков профессионалов, реализовывались функции «надзора и исправления» в новой парадигме управления случаем в XX веке в рамках проекта «профессиональная социальная работа».

Поэтому неслучайно в начале нового века правящими элитами был учрежден государственный праздник «День социального работника» [14]. По сути дела, это был месседж гражданскому обществу, в котором определялась новая идеология взаимопомощи. Профессиональная помощь становилась не только «драйвером» перемен в отношениях между человеком и социумом, но и механизмом новой общественной солидарности.

Список литературы

1. Бабкин В.А., Бадя Л. В., Демина Л. И., Егошина В. Н. и др. Советская система социального обеспечения // Исторический опыт социальной работы в России. М., 1994.
2. Добреньков В.И., Исправникова Н.Р. Пирамиды упущенных возможностей

- (русская версия «капитализма для своих»). М.: Академический проект, 2014. 171 с.
3. Замараева З.П. Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной защиты населения: монография. Пермь: Перм. гос. ун-т., 2009. 181 с.
 4. Карелова Г.Н. Социальная защита в XXI веке // Хронограф российских социальных служб. 300 лет / под ред. В.И. Жукова, Г.Н. Кареловой. М.: МГСУ, Союз, 2001. С. 166–194.
 5. Комарова Д.П. 50 лет советского социального обеспечения: материалы конференции / под ред. Д.П. Комаровой. М., 1968.
 6. Матвиенко В.И. Предисловие // 300 лет. История российских социальных служб. Хронограф / Под общ. ред. Г.Н. Кареловой, В.И. Жукова. Авторы-составители: Фирсов М.В., Сорвина А.С., Кононова Т.Б., Субаева О.Н. М.: МГСУ «Союз», 2001. С. 5.
 7. Российская газета. 1992. 30 января. Указ Президента РФ О неотложных мерах по стабилизации экономики и развитию социальной сферы Коми ССР. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901607344> (дата обращения: 07.03.2022)
 8. Российская газета, 1992, 10 марта. Указ Президента РФ «О дополнительных мерах для социальной защиты военно-воздушных сил». URL <https://base.garant.ru/102441/> (дата обращения 07.03.2022).
 9. Российская газета, 1992, 10 июня. Указ Президента РФ «О мерах по государственной поддержке социально-экономического развития Республики Дагестан. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901604027> (дата обращения: 07.03.2022).
 10. Российская газета, 1992, 19 июня. Проставление Совета Министров – Правительства РФ от 10 июня 1993 г. №546 URL: <https://base.garant.ru/166045/> (дата обращения: 21.02.2022).
 11. Российская газета, 1992, 12 сентября. Указ Президента РФ «О порядке увольнения работников при передислокации воинских частей и выплате им пособий и компенсаций». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11255/ (дата обращения: 05.03.2022).
 12. Российская газета, 1992, 16 сентября. Распоряжение Президента РФ «О мерах по социальной защите военнослужащих, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел. Пенсионеров из их числа, и отдельных категорий граждан. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9003278> (дата обращения 16.02.2022).
 13. Российская газета, 1993, 16 декабря. Указ Президента РФ «О порядке возвращения в места постоянного проживания беженцев и вынужденных переселенцев на территориях Северная Осетия и Ингушской Республики. URL: <https://base.garant.ru/1549753/> (дата обращения: 07.03.2022).
 14. Указ Президента РФ от 27.10.2000 № 1796 «О Дне социального работника»// Гарант+. URL: <https://base.garant.ru/1584321/> (дата обращения: 07.03.2022).
 15. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 № 124-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс (consultant.ru) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения:

- 01.03.2022).
16. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения Российской Федерации» от 10 декабря 1995 г. №-195-ФЗ статья 3. URL: <https://dislife.ru/laws/view/114> (дата обращения: 07.03.2022).
 17. Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 № 159-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (дата обращения: 24.02.2022).
 18. Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (garant.ru). URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/10105682/> (дата обращения: 11.03.2022).
 19. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12116087/> (дата обращения: 21.02.2022).
 20. Федеральный закон от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ. // Президент России (kremlin.ru). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/21383> (дата обращения: 16.02.2022)
 21. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 № 1032-1 (последняя редакция) / КонсультантПлюс (consultant.ru). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (дата обращения: 07.03.2022).
 22. Федотова М.Г. К содержанию понятия «Транзитивное общество» // Вестник ВятГУ. 2010. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-soderzhaniyu-ponyatiya-tranzitivnoe-obschestvo> (дата обращения: 19.02.2022).
 23. Фирсов М.В. Доклад Народного комиссара социального обеспечения И.А. Наговицына // Антология социальной работы. В 5 т. Т. 1. История социальной помощи / сост. М.В. Фирсов, М. Сварог, НВФ СПТ, 1994. С. 281.
 24. Фирсов М.В. О порядке выплаты денежной компенсации и предоставлении льгот лицам, реабилитированным в соответствии с законом РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» // Антология социальной работы: в 5 т. Т. 3. Социальная политика и законодательство в социальной работе / сост. М.В. Фирсов. М.: Сварог, НВФ СПТ, 1995. 543 с.
 25. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. М.: Праксис, 2005. 320 с.
 26. Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford: Blackwell, 1993. 245 p.
 27. Lavallette M., Pratt A. Social Policy: a Conceptual and Theoretical Introduction. Edited by M. Lavallette and A. Pratt. London, 2001, 320 p.
 28. Ludger Kühnhard, Tilman Mayer. Friedrich Fürstenberg Social Security / Editors The Bonn Handbook of Globality V. 1, Springer International Publishing AG, part of Springer Nature, 2019. p. 678.
 29. Roida Oktay. The Challenges of Contemporaneity Postmodernity and Multiculturalism. Springer, 2016. 96 p.
 30. Powell Jason L. and Khan, Hafiz T. A. Foucault, social theory and social work // Romanian Journal of Sociology. 2011. IX (1). Pp. 131–147.
 31. Williams F. Postmodernism, Feminism and the Question of Difference / Social

Theory, Social Change and Social Work. London: Routledge, 1996. Pp. 61–76.

Об авторах:

ФИРСОВ Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова», Институт психолого-социальной работы (119435, г. Москва, ул. Большая Пироговская, 2, стр. 4), e-mail: mihail_firsov@mail.ru

ЛЕЛЬЧИЦКИЙ Игорь Давыдович – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, директор Института педагогического образования и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Lelchitskiy.ID@tversu.ru

ЧЕРНИКОВА Анна Андреевна – младший научный сотрудник, Институт демографических исследований – обособленное подразделение ФГБНУ «Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН» (119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1), e-mail: aannuu@yandex.ru

ИВЛЕВА Светлана Анатольевна – доцент кафедры управления сестринской деятельности и социальной работы ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова» (119435, г. Москва, ул. Большая Пироговская, 2, стр. 4), e-mail: ivlevasvetlana2015@yandex.ru

FORMING PROFESSIONAL SOCIAL WORK IN THE CONTEXT OF POSTMODERNISM DISCOURSES: EVALUATION OF DYNAMICS FROM 1991 TO 2000

M.V. Firsov¹, I.D. Lelchitsky², A.A.Chernikova³, S.A. Ivleva¹

¹First Moscow State Medical University named after I.M. Sechenov, Moscow

²Tver State University, Tver

³Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The problem of the formation of professional social work in Russia from the early 1990s to 2000 is studied. The changes associated with the processes of de-Sovietization of Russian society are analyzed; the dominant object of social services assistance is identified – an individual, categories of citizens for providing specific services and institutional support: refugees, street children, unemployed, children in difficult life situations, children left without parental care. The role of the state and the current legislation in the activities of social institutions in regulating situations in matters of assistance and support, localization of difficult life situations through the professional community of social workers is shown.

Keywords: *social work, platform 1.0, postmodernism, postmodernization, clinical vector.*